

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Границы в их географическом и политическом значении ..	13
Предисловие	15
Введение	18
Глава I. Граница с географической точки зрения	22
Глава II. О биогеографической сущности границы. Пограничный эмпиризм	27
Глава III. Буква закона и натиск жизни	33
Глава IV. О трудах, посвященных границе	44
Глава V. Разделяющая сила необитаемых земных пространств. Враждебные для жизни границы	51
Глава VI. О «серебряном поясе»: море как граница	62
Глава VII. О психологии границ государства и ее типах	72
Глава VIII. Сухопутные границы и транспортные магистрали	81
Глава IX. Об искусстве проведения границ	88
Глава X. Отношение мира природы и мира духа к биологически правильной границе	94
Глава XI. Воспитание чувства границы	102
Глава XII. Искусственные границы	109
Глава XIII. Градация пограничных рубежей по политической важности, величине и ценности пространств, подлежащих разграничению	116
Глава XIV. О становлении границ	124
Глава XV. Оценка границ по качеству и типам	132
Глава XVI. Граница по водотоку	141
Глава XVII. Высотная форма: очертание Земли и водораздел как граница	149
Глава XVIII. Растения в роли рубежей. границы флоры	157
Глава XIX. Границы главных растений мирового хозяйства	163
Столкновение различных хозяйственных форм. Сопутствующие культурные растения как свидетели границы	163
Глава XX. Границы видов животных и рас человека	170

Глава XXI. Политико-географические формы переноса границ . . .	176
Глава XXII. Оборона границы и граница обороны	183
Глава XXIII. Культурно-географическая и политическая организация границы	192
Глава XXIV. Границы немецкого народа и государства	204
Глава XXV. Значение геополитического способа рассмотрения для проблем германских границ	217
Глава XXVI. Размышления о будущем и заключительное слово . . .	223
Прибавление к заключительному слову	226
Панидеи в геополитике	227
Глава I. К вопросу о геополитике панидей	229
Глава II. Пан-Азия—Евразия—пан-Европа	238
Глава III. Объединение частей света в старом стиле	248
Пан-Азия, пан-Европа, пан-Америка, пан-Африка и пан-Австралия как возможности географической обособленности	248
Глава IV. Прорывы кажущегося естественным панобразования . .	261
Глава V. Морское пространственное мышление и панидеи	270
Глава VI. Противостояние успешно растущих континентальных и морских панидей	279
Глава VII. Государственно-правовая основа панидей в истории и их географическое проявление в нейтралистской или федералистской форме	290
Глава VIII. Панидеи и международная организация; между Лигой Наций и национализмом	298
Глава IX. Планетарное будущее панидей	307
Статус-кво и обновление жизни	315
Континентальный блок: Центральная Европа—Евразия—Япония	329
Континентальное строительство	
Континентальная политика	331
Геополитические колониальные возможности	339
Примечания	365

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обострение интереса к тому, что можно отнести к понятию геополитики как научной дисциплины или суммы представлений, помогающих ориентироваться в политической сфере, объяснимо, более того, даже закономерно. Изменения, происходившие и накапливавшиеся на протяжении XX в. и особенно к его исходу в области международных и межгосударственных отношений, ломка и перестройка самой их структуры, повлекшие за собой глубокие сдвиги в расстановке сил на мировой арене, придали совершенно новый облик миру в целом. Это, естественно, побуждает всех, кому дороги судьбы нашей планеты, а не только специалистов и политиков-практиков задуматься над происходящим, над тем, что ожидает мир в будущем, пересмотреть прежние взгляды на глобальные проблемы мирового развития. Особую актуальность это имеет для России, история которой в XX в. подверглась столь кардинальным трансформациям.

При таком пересмотре мысль неизбежно обращается к поиску и выявлению того, что представляется постоянными составляющими в обстановке нынешних перемен, что, бесспорно, оказывало влияние на формирование обществ, государств, их взаимоотношений в прошлом, сохраняет свои качества в настоящем и, видимо, сохранит в будущем. К таким составляющим следует отнести положение народов, обществ, государств на Земле, сформировавшееся в процессе длительной эволюции и запечатленное на географических картах. Отсюда первый и, пожалуй, наиболее сильный побудительный стимул обращения к геополитике.

Сам термин «геополитика» был введен в научный оборот в 1916 г. шведским ученым Рудольфом Челленом, определившим ее как науку о государстве, олицетворяющем собой «географический организм в пространстве». Челлен не претендовал на роль первооткрывателя, считая своим учителем немецкого ученого Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1897 г. книгу «Политическая география», где впервые была выдвинута мысль о государстве как живом организме, укорененном в почве. Ранее, в 1882 г., в Штутгарте вышел его фундаментальный труд «Антропогеография», в котором он сформулировал свои основные идеи о связи эволюции народов и демографии с географическими условиями жизни, о влиянии природной среды на культурное и политическое становление народов.

Возникшая в качестве научного направления на европейской почве геополитика впервые заявила о себе в Германии, где была создана наиболее сильная школа геополитики. Ее ярким представителем является Карл Хаусхофер, переводы четырех трудов которого, публикуемые впервые, — «Границы в их географическом и политическом значении» (1927), «Панидеи в геополитике» (1931), «Статус-кво и обновление мира» (1939) и «Континентальный блок» (1941) — образуют предлагаемую книгу. Эти работы помогут читателю создать весьма рельефное представление не только о взглядах их автора и школы, к которой он принадлежал, но и о самой геополитике в широком смысле слова. В историю этого направления Карл Хаусхофер вошел как ученый высокой профессиональной квалификации и широкой эрудиции. Он глубоко изучил труды своих соотечественников, а также англичанина Макиндера, шведа Челлена, француза Видаля де ла Блаша, американца Мэхена и других геополитиков. Он не обошел своим вниманием и русских ученых, прежде всего сочинения выдающегося публициста и социолога Н. Я. Данилевского, главный труд которого «Россия и Европа» был опубликован в Германии в немецком переводе. Следует напомнить, что российские ученые создали собственную школу геополитики, выдвинув доктрину евразийства. К этому надо добавить широкий круг научных дисциплин, к которым Хаусхофер прибегает при изложении результатов своих исследований помимо географии, — историю, антропологию, биологию, право, военную теорию...

Эрудированность Хаусхофера, его явная склонность к теоретическим обобщениям отнюдь не дают оснований утверждать, что мы имеем дело с кабинетным ученым. Да и может ли вообще настоящий географ, сочетающий разносторонние географические познания с политической деятельностью, замкнуться в башне из слоновой кости? К тому же весьма непростой жизненный путь Хаусхофера наделил его богатым практическим опытом.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 г. в семье профессора. Однако вопреки семейной традиции он решил стать профессиональным военным, более двадцати лет прослужил в армии, участвовал в сражениях первой мировой войны и вышел в отставку в звании генерал-майора. В 1908–1910 гг. занимал пост германского военного атташе в Японии, что позволило ему вплотную соприкоснуться с проблемами Дальнего Востока и Тихого океана и обратиться к науке. Его первое исследование «Дай Нихон» («Великая Япония») было посвящено геополитике Японии и издано в Мюнхене в 1913 г. В 1921 г. Хаусхофер стал профессором географии Мюнхенского университета, где основал Институт геополитики.

В литературе встречаются утверждения, что Хаусхофер был «влиятельным» советником Гитлера. Более того, ему приписывают чуть ли не

участие в составлении «Майн Кампф». Однако реальные факты свидетельствуют о неоднозначности отношений Хаусхофера с нацистским режимом. Действительно, Хаусхофер был лично знаком с Гитлером, такое знакомство состоялось при посредничестве ученика Хаусхофера — Рудольфа Гесса, ставшего впоследствии заместителем фюрера по нацистской партии. Именно Гесс довел до сведения Гитлера идеи Хаусхофера. Ряд его идей, таких, как выход народов и государств на «естественные» границы, целесообразность и даже необходимость территориальных уступок в пользу «ущемленных» в пространстве народов и государств, — на которые, несомненно, обратит внимание читатель публикуемых сочинений Хаусхофера, — был созвучен экспансионистским настроениям нацистских заправил. И все же с достаточным на то основанием можно говорить о том, что Хаусхофер оказал сильное влияние на взгляды Гитлера, а не наоборот, и это подтверждают, например, «Застольные разговоры Гитлера»*.

Было бы, однако, если не антинаучным, то по меньшей мере несправедливым видеть Хаусхофера в роли безусловного адепта правившего в те годы в Германии режима. Истоки его концепций, как уже отмечалось, следует искать в идеях Ратцеля о государстве как живом организме, которое рождается, растет и умирает подобно живому существу. Отдает он дань и взглядам немецкого философа Освальда Шпенглера, который, следуя этой канве, разбивал историю на ряд независимых «культур», особых сверхорганизмов, имеющих индивидуальную судьбу и переживающих периоды возникновения, расцвета и умирания.

Из мемуаров гитлеровского разведчика Вальтера Шелленберга известно, что Хаусхофер сотрудничал с Рихардом Зорге†, а из мемуаров австрийского писателя Стефана Цвейга, которого случай свел с Хаусхофером на пароходе, следовавшем в Токио, мы узнаем, что эта встреча вылилась в дружбу. Хаусхофер поразил его эрудицией, умением глубоко мыслить и убедительно излагать свои наблюдения, что импонировало Цвейгу как психологу-импрессионисту, автору ряда проникновенных биографий выдающихся личностей. Цвейг понимал, что гитлеровский режим попытается областить Хаусхофера, и, отыскивая причину этого, прозорливо усматривал ее в тех возможностях, какие предоставляла соответствующим образом скорректированная геополитика, дабы прикрыть «философским покровом» стремление к откровенной агрессии.

Действительно, воззрения Хаусхофера и статус его семьи не во всем совмещались с порядками нацистского рейха. «Прежде всего, — отмечает Стефан Цвейг, — жена Хаусхофера не принадлежала к чисто

* См.: «Застольные разговоры Гитлера». Смоленск, 1993. С. 36–41.

† Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 161.

арийской расе, и его сыновья... никоим образом не соответствовали Нюрнбергским законам о гражданстве и расе»*. Известно, что сын Хаусхофера, Альбрехт, был близок к антигитлеровской оппозиции, участвовавшей в заговоре 20 июля 1944 г., и был арестован. Находясь в тюрьме, написал «Моабитские сонеты», которые считаются одним из образцов немецкой литературы антифашистского Сопротивления. Накануне капитуляции Германии, в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г., Альбрехт был расстрелян гестапо†.

Что касается самого Карла Хаусхофера, то он не разделял безоговорочно воззрений правящей верхушки. По мнению Цвейга, читавшего книги своего друга, исходные намерения немецкого геополитика «нацеливались на сближение наций»‡, т.е. расходились по существу с планами нацистских идеологов. Поэтому Цвейг категорически отвергает изображение Хаусхофера как некоего демонического «серого кардинала», который, отойдя на второй план, замышляет самые страшные планы и нашептывает их фюреру.

Представление об авторе публикуемых трудов не будет полным, если не упомянуть о его личных нестыковках с государственным режимом. Первая нестыковка относится к 10 мая 1941 г., когда ближайший сподвижник Гитлера — Рудольф Гесс, пытавшийся как-то нейтрализовать роль Англии в войне против Советского Союза, на истребителе Me-110 совершил перелет в Шотландию и приземлился на парашюте около поместья своего друга — герцога Гамильтона. Изложение мотивов, побудивших Гесса к этому полету, увело бы нас в сторону. Поэтому ограничимся упоминанием некоторых деталей, связывающих полет Гесса с именем Хаусхофера. Так, из воспоминаний В. Шелленберга известно, что Хаусхофер привлекался к расследованию в связи с полетом Гесса. На Хаусхофера пало подозрение в том, что он якобы вел какие-то «предварительные переговоры» в Швейцарии. Это подозрение не подтвердилось§.

Хаусхофер не просто разделял мысли Бисмарка о недопустимости для Германии войны на два фронта — на Западе и на Востоке. Он был сторонником теории британского геополитика Макиндера, выступившего в 1904 г. с докладом «Географическая ось истории», в котором развивал концепцию о Евразийском континенте как наиболее благоприятном географическом плацдарме для контроля над всем миром. Отталкиваясь

* Нюрнбергские законы о гражданстве и расе (законы гетто) — принятые рейхстагом 15 сентября 1935 г. два закона, определявшие статус евреев в «Третьем рейхе» с целью ограничения их прав в политической и общественной жизни Германии.

† *Shirer W. L. The Rise and Fall of the Third Reich.* New York, 1962. P. 1393.

‡ *Zweig St. Le Mond d'Hier.* Paris, 1948. P. 222, 223.

§ *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 186.

от этой теории, Хаусхофер выступал за блок Германия—Россия—Япония, был противником вторжения в Советский Союз, предсказывал, что германская армия потерпит поражение, «если попытается проглотить обширные земли России». Как отмечают американские авторы Палмер и Перкинс, за такую «крамолу» Хаусхофер угодил в концлагерь Дахау*.

После освобождения в 1945 г., когда война уже окончилась, Хаусхофер возвратился в Мюнхен. Однако пережитое надломило его моральные силы, и 13 марта 1946 г. он вместе с женой Мартой покончил жизнь самоубийством. Таким образом, Хаусхофер повторил акт, совершенный его другом С. Цвейгом в 1942 г. в Бразилии, куда он эмигрировал, спасаясь от нацистских преследований.

Взгляды Карла Хаусхофера, иных геополитиков как немецкой, так и других школ могут показаться в свете изменений, происшедших в мире, и научно-технических достижений — создания ядерного и термоядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет и искусственных спутников Земли — устаревшими и неприменимыми в новых условиях. И с рядом концепций, выдвигавшихся в прошлом, следует распрощаться. Не следует, однако, забывать, что геополитика зародилась как динамичная дисциплина, творцы и сторонники которой весьма гибко приспособляли свои взгляды к менявшимся условиям. Геополитика как таковая не изжила себя. Более того, процессы развития общества в XX в. раздвинули ее рамки, придав ей новые измерения, и это делает необходимым в наше время иметь ясное представление об ее основах. Тем более к этому призывает само положение России, которая может сыграть роль крупного и полезного моста между Европой и Азией. Первым его звеном может явиться укрепление и развитие сообщества новых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Чрезвычайный и полномочный
посол в отставке
доктор исторических наук
И. Г. Усачев

---

* *Palmer N. D., Perkins H. C. International Relations. The World Community in Transition. Third Edition. Boston, 1969. P. 43.*

**ГРАНИЦЫ
В ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ
ЗНАЧЕНИИ**

Karl Haushofer

GRENZEN IN IHRER GEOGRAPHISCHEN
UND POLITISCHEN BEDEUTUNG
(Berlin-Grünwald, 1927)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическое военно географическое самообразование, связанное со склонностью и долгом, а также служба за рубежом и ход войн дали мне возможность, исходя из собственной интуиции и опыта, изучить многие важнейшие вопросы границ на Земле в мирное и военное время, отчасти поверхностно — во время поездок и путешествий, отчасти основательно — в тяжелой ответственной борьбе за прочность границ на родине и за ее пределами.

Среди этих границ были не только германо романский рубеж на всем его протяжении от Фландрии вдоль Мааса и Мозеля до Вогез и Бургундских ворот, в Юре¹ и, кроме того, в пересеченных ландшафтах Швейцарии, итальянская альпийская граница; не только проницаемая германская граница с западными и восточными славянами во всех разновидностях — от Балтики до Карпат и нижнего течения Дуная и Дравы, — но и границы частей Света и морских акваторий: европейско азиатская, азиатско африканская, индо тихоокеанская, северо западная граница Индии и рубеж по религиозному и расовым признакам в Гималаях; индийско китайские переходы в Индокитае, китайско японо русская пограничная проблема в Маньчжурии² и Монголии³. Наслоение физических, биологических и антропогеографических рубежей и многообразных пограничных зон, океанских и континентальных контрастов с их переходными формами в районах крупных рек и морских побережий оживило мои представления и добытые опытом понятия, весьма далекие от теории. Когда же я, наконец, — в противовес столь сильному пограничному инстинкту и пограничному сознанию, которые мне довелось почувствовать у чужеземных народов, — поздней осенью 1918 г. в качестве командира резервной дивизии, продвигаясь от лежавших в руинах имперских границ в глубь страны, испытал полную утрату инстинкта в вопросах границы собственной высокоодаренной нацией, ее слепое доверие к враждебной фразеологии, болезненно пережил вместе с ней самообман по поводу фактически неугасающей на границе борьбы за жизненное пространство на Земле, тогда возник стимул к этой работе и ее замысел, продиктованный собственной внутренней потребностью и предвидимой будущей склонностью моего народа.

То, что кажется само собой разумеющимся лидерам младо-китайцев⁴ относительно крупных концернов — грабителей мира, в 1914–1918 гг.

вырвавших новые, более выгодные для себя границы, и что побудило их сказать с мрачной иронией: «После того, как они ограбили мир, они предложили ему приостановить грабеж» — это еще не стало ясным сегодня большинству населения Центральной Европы. Напротив, часть обманно лишавшихся своих границ культурных народов европейского Центра многократным, чудовищным грабежом и уродованием земли собственного народа в типично германском самоистязании видела шаг к будущему, более справедливому решению всех пограничных вопросов человечества. Взгляд на наши тщательно составленные фундаментальные энциклопедии, а также довоенные труды о границах показывает нам, каким образом произошло это искажение национального жизненного инстинкта. Если в каких-нибудь пухлых томах мы находим слово «граница», то это прежде всего математические и философские размышления о ней в широком толковании, далеком от географических и политических предпочтений. Факт, что граница и переход между государствами (*Staatsumzug*) — прежде всего организация, охватывающая политическую, хозяйственную и культурную жизненную возможность, на чем, к примеру, делает сильный акцент «*Encyclopaedia Britannica*», в большинстве работ, опубликованных в Центральной Европе, вряд ли обсуждается, а вернее не ставится на передний план. Насколько я знаю, ныне в Германии еще нет ни одной книги, на титульном листе которой прямо значится слово «границы» и которая проливает истинный свет на жизнь границы во всех ее контрастах.

Такое намеренно одностороннее рассмотрение на основе путеводного геополитического мышления, насколько мне известно, предпринимается здесь впервые, с полным осознанием того, что в понимании политической географии я опираюсь на плечи Ратцеля⁵, Зупана, Мауля⁶ и предварительную работу многих политических союзов, но, к сожалению, все же больше на фундамент политической науки наших оппонентов, чем нашей собственной.

Но можно ли справедливым, обоснованным с позиций естественных наук, истинно социальным образом разрешить главную проблему физической антропогеографии (как ее по праву назвал Пенк⁷), а именно раздел жизненного пространства при растущем давлении народов и сношений на становящейся обзримо все более тесной и малой Земле сообразно плотности населения, жизненной энергии, культурному и экономическому вкладу ее обитателей, если наука снова и снова не будет разрабатывать и обобщать для политики те ее незыблемые основы, которые могут стать надежными исходными точками для справедливого разграничения отдельных частей пространств и государственных структур нашей планеты?

Если и на противоположной стороне умные и миролюбиво настроенные люди, добропорядочные европейцы, вроде Бернарда Шоу⁸, называют

нынешние внутренние границы Европы этнически неосновательными и противопоставляют им не защищенную с обеих сторон и демилитаризованную американо-канадскую границу⁹ как идеал для континента, который благодаря своевременному сплочению хотел бы избежать очередной войны, то нужно лишь радоваться тому, что представители географии и истории, политических и экономических наук предоставляют дополнительные основы для их прочувствованных суждений и предостережений. Именно истинный друг мира должен страстно приветствовать такую работу, направленную на познание границы, подобно тому как пожарный должен быть благодарен, если ему своевременно, до вспышки, показывают будущий или уже тлеющий очаги пожара. Конечно, маловероятно, что эти очаги будут выданы теми, кто обделывает свои делишки. Поэтому, как представляется, обращать внимание на не заживающие от ожога раны на теле народа — предпочтительный долг и право стесненных в пространстве наций, всех, кто страдает от избыточной плотности населения и от урезанной, искаленной ложно проведенными границами духовной жизни.

Такому долгу и такому праву должна удовлетворять эта книга о границах! Впрочем, она вряд ли понравится там, где почитают принцип «надо мной не каплет». Вероятно, даже не понравится. Но этот принцип не только никогда и нигде не помогал миру в его поступательном движении, но и давным давно вызывал обоснованное недовольство существующим положением, истошный крик о помощи, обращенный к слишком туго закрученным предохранительным клапанам, яростные выпады против таких границ, которые воистину показывают, что они установлены и проведены не Богом, не природой, а есть шаткое создание рук человеческих.

Пусть наградой всем, кто любезно помогал в подготовке [этой книги], как и всем, кто занят пограничной работой на Земле, будет формирование сознания, создание полезных инструментов для установления более удобных и более прочных границ отдельных пространств будущего родного дома человечества. Из таких здоровых, жизнелюбивых структур могло бы затем возникнуть здание подлинного союза народов, где не только счастливые и живущие в благоденствии нации, извлекающие выгоду из происшедшего насилия¹⁰, но и все остальные наслаждались бы свободой дышать, трудиться, ценить свою землю и свое жизненное пространство в общем земном доме и где лишенные права на самоопределение многомиллионные древние культурные народы не стояли бы как неизменные обвинители, нищие, ограбленные, перед закрытыми дверями, перегороженными границами и перекрытыми дорогами в будущее, которое и для ныне властвующих, кажущихся счастливыми, остается под опасной угрозой.

ВВЕДЕНИЕ

Давление границ и теснота пространства тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой (Innereuropa). Настоящая книга, призванная привлечь внимание к беспристрастному исследованию границ в их географическом и политическом значении, обращена прежде всего к тем, кто живет в этой стесненности, а также ко всем, кто серьезно участвует в прочном, устойчивом восстановлении в естественных связностях пространства, где обитает человечество, разорванного и разрушенного в результате его произвольного раздела.

Это касается в первую очередь Внутренней Европы, потому что ни в каком другом месте Земли так остро не проявляется в проведении границ противоречие между научно мыслящим веком и антинаучными, алчными и пристрастными действиями. Разве кто-нибудь мог бы посчитать возможным еще на рубеже столетия, когда на всех языках было написано так много светлого о будущем человечества, что всего два десятилетия спустя государственные мужи, члены ученых академий и обществ, якобы мыслящие категориями крупного пространства народные лидеры окажутся готовыми провести границы государств и народов через большие города и их водонапорные башни и газовые фабрики, соорудить рубежи между рабочими и их каменноугольными шахтами, воздвигнуть там и сям барьеры между одинаково думающими, чувствующими и говорящими людьми.

Именно мрачное предсказание заката изувеченной в таком ослеплении Европы (Abendland)¹ должно вдвойне заставить нас со всей суровостью объяснить, что сделали сами ее жители для его возможного ускорения из-за бессмысленных границ и демаркационных линий.

«Кто не сознает темноты, тот не станет искать света»².

Но если мы поднимем факел знания, то истинно происходящее, с которого снят покров, сотканный из фразеологии, предстает во всей своей гротескной бессмысленности.

Внутренняя Европа с ее географическим и политическим урезанием и увечьем жизненно необходимых структур, с невыносимыми границами жизненной формы в удушающе тесном жизненном пространстве — в каком разительном противоречии находится это [состояние] с представлением века и культурного круга, которому Шпенглер³ придал отпечаток фаустовского⁴ стремления к жизни в безмерном, безграничном как лейтмотив.

Понятно, почему такое обвинение в зреющем закате [Европы] вышло именно из духовной среды стомиллионного народа, который, к счастью или к сожалению, пожалуй, наиболее четко отразил эту фаустовскую черту характера, распространяя ее среди народов Земли в то время, когда он в том пространстве, где дышал, был невыносимо стеснен до минимальных пределов и поэтому первым в XX столетии глубоко в душе пережил возникающую у человечества нужду в границах на перенаселенной Земле.

Были ли необходимы именно немецкому народу для воспитания у него чувства границы это страшное переживание, эта напряженность, побуждающая к восстановлению границ мирным путем при их добровольной либерализации или же к взрыву, — напряженность между идеалом беспредельности Вселенной, идеалом погруженного в самосозерцание «наднационального», безразличного к пространству человека, и реальной жизнью великого народа Земли, больше всех сдавленного пространством в своем свободном развитии?

Не была ли эта напряженность возможной только потому, что этот проникнутый духом Фауста народ достиг всех осуществимых духовных целей, подарил человечеству понятия и определения понятий, — только не той в правильной мере и в надежной форме разумной границы, ибо сам не знал, как ее найти?

Но такую судьбу он разделил с двумя самыми гениальными народами планеты: с эллинами — носителями сухопутной и морской культуры бассейна Эгейского моря, и теми, кто населял индийское жизненное пространство между Гималаями и Индийским океаном, которые — как и немцы, были, видимо, духовно слишком мягкотелы, слишком аморфны, чтобы защитить и сохранить свою земную жизненную форму.

Именно в этом они не преуспели: границы действительного, которые они полагали выдвинуть все дальше вовне, пока те не совпадут с границами человечества в метафизическом [т.е. философском] смысле, затем — ибо сами не знали, как найти для этого меру, — проводились другими, причем весьма болезненно, ценой потери миллионов соплеменников и даже облика свободных, определяющих свое место в жизни народов.

Так происходило в Священной Римской империи германской нации⁵, в Элладе домакедонского периода и в подобных сказочным творениям эллинистических государствах⁶, в становлении империи Ашоки⁷ и более поздней при Великих Моголах. Если Акбар⁸, величайший среди них, казался своим современникам «тенью бога на Земле», подобно Периклу⁹ и Александру [Македонскому]¹⁰, Карлу Великому¹¹ и Фридриху Гогенштауфену¹², то уже для их внуков воздвигнутые на века границы их государств были проходящими, как облака. То же повторилось во Вну-

тренней, или Центральной, Европе после краха Второй Германской империи¹³, казавшейся очень прочной в Центре Европы. Однако уже в 1900 г. Теобальд Фишер* назвал ее эфемерой, ибо, как и после исчезновения первой¹⁴, не стало больше надежной границы и какой либо устойчивой формы, и крупный писатель того времени увидел на исходе века точно такую же безутешную картину, как Шиллер¹⁵ — на рубеже XVIII–XIX столетий.

Но эта первая [империя] ни в коей мере не была чисто Германской империей, а римско германской нацией с ее передвигающимися, подобно облакам при каждом порыве ветра, границами. Никто не знает сегодня, идет ли дело к новой, третьей империи¹⁶, столь горячо и страстно желаемой и ожидаемой многими. Во всяком случае тот хаос руин и мук, в котором мы ныне живем, не заслуживает названия империи: ведь от нее сохраняется лишь тень и апелляция о спасении права на жизнь. Ибо империя должна иметь границы, которые она способна защищать собственными силами!

Однако, чтобы третья империя стала когда нибудь реальной в пространстве и во времени в Центральной Европе, необходимо постоянно поддерживать представление, идею о ней в убедительной форме и в наглядных установленных границах. Необходимы также, насколько возможно, обоснованное признание тех границ, которые были привнесены извне ее жизненной форме, будь то заимствованные у природы, будь то установленные в результате человеческой деятельности, расовой воли и силового произвола, и ясное осознание их изменяемости или постоянства. Ведь любая полезная и стабильная граница — это не только политическая граница, но и граница многих жизненных явлений, и она сама по себе становится еще одной жизненной формой, своим собственным ландшафтом со своими собственными условиями существования, более или менее широкой зоной боевых действий, предпольем¹⁷; крайне редко граница является линией, как ее легко мог бы провести юрист, человек, имеющий дело с документами, однако ее отвергают природа и жизнь, в которых нет ничего более постоянного, чем борьба за существование¹⁸ в вечно меняющихся, непрерывно перемещающихся в пространстве формах.

Арена этой борьбы — прежде всего граница, которая лишь цепенеет, будучи на самом деле мертвой и давно испытывающей действие сил, стремящихся устранить отмершее, а то, что еще полезно, использовать в новой жизни.

---

* См. весьма примечательную статью: *Fisher Th.* Das Deutsche Reich in seinen heutigen Grenzen: eine Eintagsfliege! // Geographischer Anzeiger. Justus Peter. Gotha, 1900. N 1, ход мыслей которой стал одним из сильнейших побудительных мотивов к написанию данной работы.

Таким образом, попытка рассмотреть границы в их географическом и политическом значении и проявлении по необходимости затрагивает последние рубежи, установленные нам человеческим опытом¹⁹. Это придает такой попытке — наряду с признанной политической необходимостью теоретической пропедевтики для практической пограничной работы — предельную духовную и художественную привлекательность. Не будь этого стимула, невозможно было бы воздать должное невесомому, не поддающемуся учету и все же решающему, чисто духовному моменту в возникновении, существовании и исчезновении границы. А без такой перспективы возникло бы искушение свести познание границы в мелководье чисто материалистической [физической] географии и исторического рассмотрения, причем понимание границы такого культурного круга, как германский, пронизанного фаустовским натиском, не должно сглаживать различия.

Таков был главный соблазн, но и опасность предпринятой попытки рассмотрения именно с центральноевропейской точки зрения. И пусть с этим предостережением она идет своим путем на стыке науки и искусства, культуры и силы, показывая пропасти и наводя мосты, создавая фундаментальную основу всестороннего знания, — навстречу лучшему будущему, как позволяет на это надеяться современность²⁰, из потребностей которой и возник этот временной мост в виде данной научно художественной книги.

ГЛАВА I

Граница с географической точки зрения

Создание ясных картин границы, выразительного представления о ней, о проистекающем из этого пограничном инстинкте и в конечном счете о неизменно настороженном пограничном сознании — важнейшая цель данной работы. Всех этих предупреждений и предостережений, как правило, не хватает немцам в большей степени, чем любой другой крупной нации на Земле, поддерживающей и создающей границы. Из этого следует, что именно нашему народу, занимающему промежуточное положение во Внутренней Европе, необычайно важно иметь живое представление о границе в контексте картины мира, которая и сама нуждается в четком детальном разграничении, ибо в противном случае она очень легко предается космополитической неопределенности и часто свойственной нам, немцам, аморфности. Прекрасным воспитателем наглядного образа границ, пограничного инстинкта и пограничного сознания, столь нам необходимых, могут быть в противовес этому пограничные ландшафты. Ведь это поистине потрясающий факт, если один из первых немецких географов, Браун*, констатировал в 1916 г.: «...Задача заключается во внимательном изучении пограничных рубежей. Это изучение до сих пор при избытке антропогеографической работы внутри страны было удивительно запущенным и касалось только пограничных провинций на Востоке (Восточная Пруссия, Силезия)». (Пожалуй, еще и на Юго-Востоке: Пенк, Фольц, Зигер†!)

«Уже при простом знакомстве, при посещении провинций до сих пор ощущается пробел в изучении характера пограничного рубежа с географической точки зрения как типа ландшафта в сопоставлении с другими типами. Лишь школа Ратцеля» — к которой, разумеется, с особой гордостью я отнес себя задолго до войны, когда лично познакомился с ним, — «создавала в этом направлении фундаментальное, но нашла мало последователей».

В той же книге Браун отмечал: «Самая важная политико географическая проблема географии Центральной Европы заключается в том, как провести ее политическую границу, используя естественные и истори-

* *Braun G.* Deutschland. 1. Aufl. Berlin, 1916. S. 311.

† *Sieger R.* Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung. Verhandlungen des XXI. Deutschen Geographentags. Berlin, 1926.

чески сложившиеся рубежи, чтобы, с одной стороны, сохранялось внутреннее единство промышленных и сельскохозяйственных ландшафтов, а с другой — чтобы границы создавали действенную зону защиты...»

«Юра, Вогезы, Лотарингия, Люксембург, Арденны и Фландрия являются западными границами».

Все они как пограничные рубежи политической жизненной формы ныне утрачены, как границы земли народа находятся под угрозой и оспариваются в борьбе, лишь с трудом узнаваемы местами именно в типе ландшафта. И все это произошло, прежде чем была выполнена постулируемая официальной наукой работа. Разве это не поистине потрясающий факт, как я выразился ранее? Разве это не доказательство того, что и наука, слишком многого достигшая в отдельных областях, основательно недооценила свою предохраняющую задачу в отношении жизненной формы, в условиях которой она процветала и преуспевала? Разве не напрашивается сама собой мысль о том, что, вероятно, именно поэтому оплоты этой науки в столь разочарованном народе утрачены по сравнению с тем вниманием, которое проявлялось к ней прежде? Если мы в противовес этому негативному признанию выдающегося представителя нашей науки хотим составить ясное представление о позитивной стороне проблемы, о том, какую воспитательную роль играет геополитически и культурно политически правильное, а равно и инстинктивно верное рассмотрение пограничных рубежей, необходимо опереться на известное описание, принадлежащее молодому Гёте¹.

«Памятуя, что здание это [Страсбургский собор]² было заложено на древней немецкой земле и строилось в подлинно немецкую эпоху, а также и то, что по немецки звучало имя зодчего, начертанное на скромном надгробии, я осмелился, вдохновленный величием этого произведения искусства, изменить *бесславное* название “готическая архитектура” и под именем “*немецкого зодчества*” возратить его нашему народу. Далее я не преминул изложить свои патриотические взгляды, сначала устно, а потом и в небольшой статье, посвященной D. M. Ervini a Steinbach»³.

Нужно ли что-нибудь еще, как не пример юного Гёте, которого нельзя заподозрить в национальном шовинизме, столь кроткого во всем, что присуще человеку, чтобы показать, как впечатление о границах своего народа в качестве неотъемлемого культурно-географического достояния, сначала увиденных и почувствованных, а затем понятых, воплощается в конкретное описание и творческий успех? Это несравненное слово Гёте — документ первостепенного культурно-географического значения для нашей рабочей проблемы и, разумеется, для того, что следует понимать под «углубленным» отношением к жизненному пространству и земле в духе и смысле Ратцеля.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru